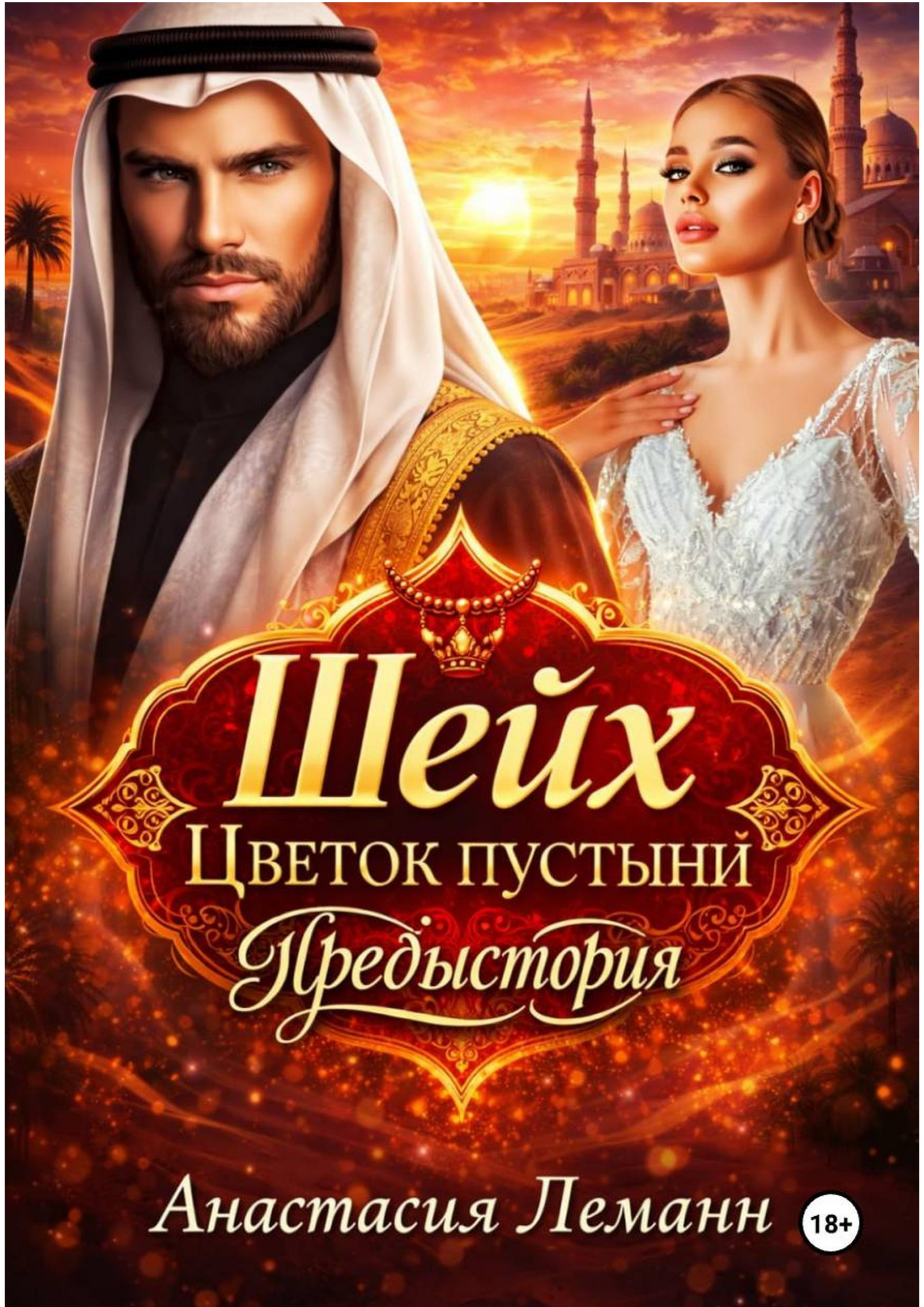

Шейх
ЦВЕТОК ПУСТЫНИ
История

Анастасия Леманн

18+

Анастасия Леманн

**Шейх. Цветок
пустыни. Предыстория**

«Автор»

2026

Леманн А.

Шейх. Цветок пустыни. Предыстория / А. Леманн — «Автор»,
2026

Бэлле девятнадцать, когда шейх замечает её на рынке и забирает силой. Отец пытается защитить дочь — ему ломают рёбра и кладут перед ним бумагу на подпись. Во дворце правит Гера — первая жена, умная и беспощадная. Она сразу расставляет границы: ты никто, ты временная, ты исчезнешь. Бэлла не исчезает. Выживает, находит союзницу в служанке Зареме и рождает сына. Называет его Амир — повелитель. Шейх смотрит на мальчика, что-то дрогает в его лице — и в документах напротив «отцовства» остаётся прочерк.

© Леманн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ.	5
ГЛАВА 1.	7
ГЛАВА 2.	11
ГЛАВА 3.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анастасия Леманн

Шейх. Цветок пустыни. Предыстория

ПРОЛОГ.

Музыка звучала так, будто её не играли, а выдыхали — из самой земли, из раскалённого воздуха, из всего, чем жила эта деревня в тот вечер. Бубен, струны ребаба и чей-то хриплый голос, уносивший мелодию выше крыш, выше пальм, туда, где небо уже наливалось густым фиолетовым цветом.

Я танцевала.

Босые ноги на тёплом камне, подол платья взлетает и опускается, и мне двадцать лет, и у меня есть сын, и в этот вечер мне не нужно ничего, кроме этого — кружиться, чувствовать музыку всем телом, видеть, как Зарема покачивает на руках моего мальчика, а он хлопает в ладоши и смеётся, широко раскрыв рот, в котором уже четыре молочных зуба.

Амир. Моё солнце. Мой единственный свет в этом мире, где света для меня осталось до обидного мало.

Я кружилась, и женщины вокруг хлопали в такт, и старая Фатима, которая помнила ещё мою мать, притопывала ногой и одобрительно кивала — мол, хороша, девочка, хороша, как мать твоя была хороша, — и я ловила этот взгляд и кружилась сильнее, потому что здесь, в деревне, на празднике урожая, я на несколько часов переставала быть наложницей шейха Абдуллы. Здесь я была просто Бэллой. Дочерью ремесленника Касима. Сестрой Дмитрия — того самого Дмитрия, который уехал в Россию и писал мне письма, всё реже и реже, всё короче и суше.

Зарема поймала мой взгляд и улыбнулась. Амир на её руках запрокинул голову и рассмеялся — этим залиvistым, совершенно бессмысленным младенческим смехом, от которого у меня каждый раз что-то переворачивалось в груди. Я протянула к нему руки, и Зарема передала мне сына, и я закружилась с ним — осторожно, прижимая его к себе, а он вцепился в мои волосы и продолжал хохотать.

— Бэлла, хватит, уронишь! — Зарема сделала шаг ко мне, но я только покачала головой.

— Не уроню. Никогда.

Я прижала его крепче и замедлилась, и музыка тоже стала тише, словно подстроилась под нас, и в этот момент мне показалось, что всё будет хорошо. Что я справлюсь. Что Гера — далеко, что шейх забыл обо мне на сегодня, что этот вечер принадлежит только нам.

А потом я увидела их.

Двое мужчин у дальней стены. Не из деревни — одежда другая, слишком дорогая для этих мест. Стояли неподвижно и смотрели на меня. Не на праздник, не на танцующих женщин — на меня. Один из них поднёс к уху телефон, не отрывая взгляда.

Музыка продолжала играть, но я уже не слышала её. Внутри что-то оборвалось — тот хрупкий, стеклянный покой, который я собирала по кусочкам весь этот вечер.

— Зарема.

Она мгновенно оказалась рядом. Двадцать лет разницы между нами, но двигалась Зарема так, словно ей не сорок, а восемнадцать, — быстро, бесшумно, точно.

— Вижу. Люди Геры.

Два слова. Мне их хватило.

Я перестала танцевать, прижала Амира к себе и пошла к дому Фатимы, не оглядываясь. Сын почувствовал перемену — перестал смеяться, притих, уткнулся мне в шею. Он всегда

чувствовал. С первого дня, с первого вдоха. Мы были связаны так крепко, что иногда мне казалось — он слышит мои мысли.

— Мой принц, — шепнула я ему в макушку. — Всё хорошо. Мама рядом.

За спиной продолжала играть музыка, и женщины танцевали, и Фатима притопывала ногой, и всё это было уже не моё. Уже — чужое. Праздник закончился. Для меня он закончился ровно в тот момент, когда я увидела эти глаза у стены.

Они нашли меня. Снова.

И значит, пора возвращаться в клетку.

ГЛАВА 1.

Три года назад всё было по-другому.

Три года назад я не знала ни слова «наложница», ни запаха дворцовых благовоний, ни того, как звучит голос мужчины, которому ты принадлежишь, но который не принадлежит тебе. Три года назад я торговала на рынке отцовскими кувшинами — расписными, глиняными, с тонким орнаментом, который папа выводил кисточкой из верблюжьего волоса, — и мне казалось, что это и есть жизнь: утро, рынок, жара, пыль, запах специй с соседнего прилавка и мамина шаль на плечах, хотя мамы уже три года как не было.

Мне только исполнилось девятнадцать. Для нашей деревни — уже поздно, пора замуж, соседки шептались, отец отмахивался. Он не хотел меня отдавать. Я вела дом, считала деньги, торговала лучше любого мужчины на этом рынке и, что самое главное, — я была похожа на маму. Так сильно, что отец иногда замирал на полуслове, глядя на меня, и в его глазах стояло то, что я не могла ни назвать, ни утешить.

В тот день на рынке я спорила с толстым Юсуфом из-за места.

— Бэлла, ты своими кувшинами мне всю торговлю перекрыла! Сдвинь прилавок!

— Юсуф, если бы ты продавал что-нибудь стоящее, тебе бы не мешал мой прилавок. А за твоими горшками и так никто не приходит — хоть посередине площади встань.

Он раздулся, как лягушка, и собирался ответить, но замолчал. Уставился куда-то мне за спину с таким выражением, словно увидел самого пророка в белых одеждах.

Я обернулась.

Чёрный автомобиль с тонированными стёклами стоял у края рыночной площади. Таких здесь не бывало — длинный, сияющий, до неприличия дорогой. Рядом — двое в одинаковых тёмных костюмах, с рациями. Охрана.

А между ними — мужчина.

Ему было за сорок, может, ближе к пятидесяти. Высокий, седой на висках, с аккуратной бородой и глазами, которые я запомнила навсегда — не потому что они были какими-то особенными, а потому что в них не было ничего. Совсем ничего. Как в витрине: чисто, дорого, пусто.

Он смотрел на меня.

Юсуф исчез. Растворился, как сахар в чае, — только что раздувал щёки, и вот уже нет его. И не он один: весь ряд притих, люди отводили глаза, кланялись, пятились.

— Чья дочь? — негромко спросил мужчина, обращаясь к одному из охранников.

Тот наклонился к кому-то из местных, шепнул что-то, выслушал ответ, вернулся.

— Касим-ремесленник. Вдовец. Эта — старшая, Бэлла.

Мужчина кивнул — одним коротким движением. Так кивают, когда выбирают товар: этот, заверните.

Вечером к нам пришли.

Отец сидел за столом, перед ним стояли два его лучших кувшина — с золотой росписью, которые он не продавал никому. Мы пили чай, я рассказывала ему про Юсуфа, он смеялся, и это было так хорошо, так спокойно, что когда в дверь постучали, я решила — сосед пришёл за солью.

Вошли трое. Тот самый охранник с рынка и двое в длинных белых одеяниях — чиновники или кто-то из дворцовых. Отец поднялся медленно, как старик, хотя ему не было и пятидесяти.

— Касим, мы от шейха Абдуллы.

Шейх Абдулла. Я слышала это имя сотни раз — так произносили его в деревне: полушёпотом, с опаской, с тем почтением, в котором страха было больше, чем уважения. Властелин

этих земель, хозяин дворца за дюнами, человек, от чьего слова зависело всё — от цен на воду до того, кто будет жить, а кто нет.

— Шейх заметил вашу дочь на рынке. Она произвела впечатление.

Отец молчал. Я видела, как на его шее напряглась жила — тонкая, синяя, пульсирующая.

— Что это значит?

— Это значит, что шейх хотел бы видеть её при дворе.

Пауза. Отец взял кувшин — тот, с золотой росписью. Повертел в руках. Поставил обратно.

— Нет.

Чиновник переглянулся с охранником. Ни удивления, ни злости — они ждали такого ответа.

— Касим, шейх — щедрый человек. Ваш долг за воду и землю...

— Я сказал — нет.

— ...будет прощён полностью. Кроме того, ваш младший сын получит место при дворце, образование...

— У меня нет младшего сына. Есть дочь. И она никуда не поедет.

Охранник сделал шаг вперёд.

— Касим, пожалуйста. Не усложняй.

Я стояла у стены и смотрела на отца. Он стоял перед ними — невысокий, сухой, с руками в глиняной пыли — и не отступал. Мой отец. Единственный человек, который любил меня без условий, без торга, без «если».

Они ушли. Отец сел за стол и долго молчал, держа кувшин обеими руками. Потом тихо, не глядя на меня:

— Уезжай к Дмитрию. В Россию. Завтра.

— Папа...

— Бэлла, послушай меня. Один раз послушай и не спорь. Если шейх чего-то захотел — он это получит. Вопрос не в том, заберут тебя или нет. Вопрос в цене. Уезжай, пока я ещё могу тебя отправить.

— А ты?

Он посмотрел на меня — и я увидела в его глазах маму. То же самое: любовь, от которой задыхаешься, и невозможность защитить.

— Я разберусь.

Он не разобрался.

Через неделю они пришли снова. На этот раз — без чиновников. Четверо охранников. Отец вышел к ним с ружьём — старым, дедовским, которое он чистил каждую пятницу, хотя стрелял из него последний раз лет двадцать назад.

Они забрали ружьё. Забрали отца — на трое суток. Вернули его с переломанными рёбрами и бумагой, на которой стояла его подпись.

Согласие.

— Папа...

— Прости, Бэлла. Прости.

Через два дня за мной приехала машина. Та самая, чёрная, с тонированными стёклами.

Отец стоял у порога. Не плакал. Держался прямо, хотя я знала, как ему больно — рёбра, и не только рёбра. Я подошла, обняла его, вдохнула запах глины, чая и того горького мужского одеколона, который он покупал у старого Ибрагима на рынке, — и поняла, что больше этого запаха не будет. Не будет дома. Не будет рынка. Не будет вечерних разговоров за чаем, когда он рассказывал про маму и мы оба делали вид, что не хотим плакать.

— Помни, кто ты, — шепнул он. — Ты дочь Касима. Они могут забрать тебя, но не могут забрать это.

Я села в машину, и дверь закрылась, и окна тёмные — ничего не видно. Только звук: двигатель, песок под колёсами, моё дыхание. И тишина. Такая тишина, какая бывает только в конце.

Дворец я увидела через час. Он вырос из пустыни, как мираж, — белые стены, золотые купола, сады за высокой оградой, фонтаны, и всё это сияло в закатном солнце так, что резало глаза.

Меня провели через длинный коридор — мрамор, зеркала, запах чего-то сладкого и тяжёлого — и оставили в комнате. Она была раз в десять больше нашего дома. Кровать под шёлковым балдахином, ковры, золотая ваза на столике, чьи-то цветы в ней — белые, крупные, без запаха.

Я села на край кровати и положила руки на колени. Руки были чистые — впервые за много лет без глиняной пыли. Меня вымыли, переодели, уложили волосы. Я не сопротивлялась. Зачем? Отца избили за одно слово «нет». Что сделают со мной?

Дверь открылась.

Она вошла так, будто весь дворец принадлежал ей. Собственно, так и было.

Гера.

Первая жена шейха Абдуллы. Мать его законных сыновей — Агзама и Мухамеда. Хозяйка всего, что стояло на этой земле, включая людей.

Высокая, тёмноволосая, с лицом, которое когда-то было привлекательным, а теперь стало чем-то другим — жёстким, вылепленным из воли и ненависти, как из гипса. Глаза — чёрные, без блеска. Рот — тонкая линия, которая, казалось, никогда не знала улыбки.

Она остановилась посреди комнаты и осмотрела меня — медленно, сверху вниз, как покупатель осматривает товар, который ему навязали.

— Значит, ты.

Не вопрос. Констатация. Я — та самая. Новая девка мужа.

— Встань, когда я с тобой разговариваю.

Я встала. Не потому что боялась, — я ещё не знала, насколько нужно бояться Геру. Встала, потому что ноги сами подняли меня — рефлекс: когда в комнату входит хищник, ты встаёшь.

— Тебе повезло, — Гера обошла меня по кругу, — что у моего мужа короткая память. Через месяц он о тебе забудет. Они все забывают. До тебя были другие. После тебя будут другие. Ты — никто. Запомни это.

Я молчала. Смотрела на белые цветы в вазе — бездумно, чтобы не смотреть ей в глаза.

— Правила: ты не выходишь из своих покоев без разрешения. Не заговариваешь с моими сыновьями. Не появляешься в моей части дворца. Еду тебе будут приносить. Если понадобится шейху — за тобой пришлют.

Она остановилась передо мной.

— Ты поняла?

— Я поняла.

— Вот и умница.

Она развернулась и пошла к двери. На пороге остановилась, не оборачиваясь.

— Одна ещё здесь была. Танцовщица. Красавица. Три месяца продержалась. Потом решила, что она особенная. Что шейх её любит. Знаешь, где она сейчас?

Молчание. Гера обернулась, и в её глазах я увидела то, чего не хотела видеть, — удовольствие. Чистое, незамутнённое удовольствие от чужого страха.

— Нигде.

Дверь закрылась. Я осталась одна в этой комнате, которая стоила больше, чем весь наш дом, и вся наша деревня, и вся моя прежняя жизнь — простая, бедная, с глиняной пылью на руках и папиным запахом на шее.

Я села обратно на край кровати и положила руки на колени. Чистые руки. Без пыли. Без дома. Без всего.

Только я. И эта клетка из мрамора и золота.

ГЛАВА 2.

Первый месяц я считала дни. Чертила ногтём на обратной стороне зеркальной рамы — маленькие насечки, по одной на каждый день. К концу месяца рама была вся в царапинах, и я перестала считать, потому что поняла: отсюда не считают дни. Здесь дни считают тебя.

Зарема появилась на четвёртый день.

Она пришла с подносом — чай, лепёшки, мёд, — поставила его на стол и посмотрела на меня так, что я впервые за четыре дня почувствовала, что меня видят. Не оценивают, не осматривают — видят.

— Ты совсем не ешь, — она кивнула на нетронутую еду с прошлого раза. — Голодовка?

— Нет аппетита.

— Аппетит — роскошь. Здесь себе такое не позволяют. Ешь, пока дают.

Она села рядом на край кровати — без приглашения, без разрешения, просто села, как садятся рядом с человеком, которому плохо.

— Меня зовут Зарема. Я здесь давно. Очень давно.

— Как давно?

— С пятнадцати лет. Сейчас мне тридцать шесть. Считай сама.

Двадцать один год в этих стенах. Я посмотрела на неё — тёмные глаза, худое лицо, руки в мозолях. Ни украшений, ни яркой одежды. Служанка. Но что-то в ней было от тех людей, которые не гнутся — они ломаются или стоят, но не гнутся.

— У тебя красивое имя, — она протянула мне лепёшку. — Бэлла. Откуда?

— Мама назвала. Она любила итальянские имена. Читала книги.

— Грамотная была?

— Самая грамотная в деревне. И самая красивая.

Зарема помолчала.

— Тебе здесь не понравится. Но выжить — можно. Если делать три вещи: есть, молчать и не злить Геру.

— А если она сама злится? Без моей помощи?

Зарема посмотрела на меня — и впервые я увидела на её лице что-то похожее на улыбку.

— Тогда прятаться.

Так началась наша дружба. Единственная настоящая вещь в этом дворце — где всё было дорогим, но ничего не было настоящим.

Зарема приходила каждый день. Приносила еду, новости, а иногда — просто себя. Сидела рядом и молчала, и это молчание стоило больше любых слов, потому что в нём не было ни жалости, ни осуждения, — только присутствие.

Она рассказала мне про дворец. Про шейха — он не жестокий, нет. Хуже. Он равнодушный. Для него люди — функции: Гера управляет домом, сыновья продолжают род, наложницы украшают вечера. Всё расставлено по полкам, как в лавке.

— А я — какая полка?

— Верхняя. Пока ты свежая и молодая. Потом сдвинут ниже. Потом — уберут в кладовку. Так было со всеми до тебя.

— Сколько их было?

— Четыре. Последняя — Лейла. Та, про которую Гера тебе говорила.

— Что с ней случилось?

Зарема отвернулась к окну. Долго молчала.

— Лейла решила, что шейх её любит. Начала вести себя как хозяйка. Надела украшения Геры. Вышла к гостям в парадном зале.

— И?

— На следующий день её не стало. Шейх спросил за завтраком — где Лейла? Ему ответили — уехала. Он кивнул и попросил ещё чаю.

Тишина.

— Она умерла?

— Я не знаю. Может, её увезли. Может — нет. Здесь не задают таких вопросов, Бэлла. Здесь вообще лучше не задавать вопросов.

Я посмотрела на белые цветы в вазе — они уже завяли, лепестки свернулись, и никто не пришёл заменить их. Вот и я. Цветок в вазе. Пока свежий — стоит. Потом — выбросят.

Только я не собиралась вянуть.

Через две недели Гера нанесла первый удар.

Я поняла это не сразу. Сначала показалось — совпадение: еду принесли позже обычного, и она была холодной. Потом — платье, которое мне выдали для визита шейха, оказалось порванным по шву. Потом — служанка, которая убирала мою комнату, «случайно» облила водой подушки.

Зарема качала головой.

— Это её метод. Она не нападает в открытую. Она изводит. По капле, по мелочи. Пока ты не сломаешься сама.

— А если не ломаюсь?

— Тогда она найдёт другой метод.

Я не сломалась. Ела холодную еду и не жаловалась. Зашила платье сама — папа научил меня шить, он чинил тюбетейки для всей деревни. Перевернула подушки мокрой стороной вниз и легла спать.

Шейх пришёл на третьей неделе. Без предупреждения — просто открылась дверь, и он вошёл. Высокий, пахнувший сандалом и чем-то горьким, с усталыми глазами.

Он сел в кресло, не глядя на меня. Долго молчал. Потом:

— Как тебя зовут?

Он забыл. Или не знал. Для него я была просто «та, с рынка».

— Бэлла.

— Красивое имя. Не наше.

— Мама любила итальянские имена.

Он впервые посмотрел на меня — с любопытством, как смотрят на собаку, которая вдруг заговорила.

— Ты грамотная?

— Я умею читать и писать на трёх языках. Арабский, английский, русский. Мама научила.

Пауза. Что-то мелькнуло в его пустых глазах — не интерес, нет. Удивление. Он не ожидал, что девушка с рынка умеет читать.

— Русский — зачем?

— Мой брат живёт в России. Мы переписываемся.

Он встал. Подошёл к окну, посмотрел на сад.

— Здесь тебе будет хорошо. Здесь всё есть — еда, одежда, тепло. Тебе не придётся торговать на рынке.

Я промолчала. Он ждал благодарности, и мне следовало её изобразить — это было бы умно, это было бы безопасно. Но я не смогла. Слова застряли в горле, потому что за ними стояло лицо отца с переломанными рёбрами.

— Спасибо, — всё-таки выдавила я.

Он кивнул и ушёл. Не прикоснулся ко мне. Даже не подошёл. Просто — пришёл, посмотрел, ушёл. Как проверяющий в магазине: товар на месте, можно ехать дальше.

Когда дверь закрылась, я легла на кровать и долго смотрела в потолок, расписанный золотыми звёздами. Где-то за стеной Гера, наверное, уже знала, что шейх приходил. И считала минуты. И планировала.

А я лежала и думала о том, что мне девятнадцать лет, что я в тюрьме из мрамора, что мой отец сломлен, мой брат далеко, и единственный человек, который относится ко мне по-человечески, — это служанка, которая сама двадцать один год живёт в этих стенах.

И ещё я думала: надо выжить. Не сломаться. Не завянуть. Я дочь Касима. Они могут забрать меня, но не могут забрать это.

Не могут.

ГЛАВА 3.

Я узнала, что беременна, на исходе третьего месяца во дворце. Не от врача — от Заремы. Она посмотрела на меня за завтраком, когда я в третий раз отставила чашку с чаем, побледнев от одного его запаха, и тихо, без единой лишней интонации:

— Тебя тошнит по утрам уже неделю. Когда были последние дни?

Я замерла с лепёшкой в руке. Начала считать в голове — и не смогла. Не помнила. С тех пор как я здесь, время стало вязким, бесформенным, и дни сливались друг с другом, и я не считала ни дни, ни циклы, ни вообще ничего.

— Давно, — призналась я. — Не помню.

— Значит, давно. Значит, то, о чём я думаю.

Шейх приходил ко мне три раза за эти месяцы. Молчаливо, коротко, без нежности — так выполняют обязанность, не более. Я лежала и смотрела в потолок с золотыми звёздами и ждала, пока он уйдёт. Он уходил. Мы ни разу не поговорили до или после. Просто — функция. Полка в лавке.

И вот — результат.

Зарема привела пожилую женщину в чёрном — дворцовую повитуху. Та пощупала мой живот сухими тёплыми ладонями, заглянула в глаза, пересчитала что-то на пальцах.

— Три месяца. Может, чуть больше. Мальчик или девочка — рано говорить. Но ребёнок крепкий.

Ребёнок. Крепкий. У меня внутри.

Зарема отпустила повитуху и села рядом. Взяла меня за руку — впервые за всё время прикоснулась. Её ладонь — тёплая, шершавая, живая.

— Бэлла. Послушай меня. Это меняет всё. И к лучшему, и к худшему.

— К лучшему — потому что?

— Потому что мать ребёнка шейха — под защитой. Тебя не тронут, пока ты носишь его наследника. Это закон, который даже Гера не посмеет нарушить.

— А к худшему?

Зарема помолчала.

— Потому что, если родится мальчик, Гера увидит в нём угрозу. Её сыновья — Агзам и Мухамед — наследники. Третий сын, от другой женщины... Это война, Бэлла. Настоящая.

Я положила руку на живот. Там ничего не чувствовалось — ещё рано. Но я знала: он там. Живой. Мой.

— Я его защищу.

Зарема сжала мою руку крепче.

— Я тебе помогу.

Шейх узнал о беременности на следующий день. Я не видела, как он принял новость, — Зарема рассказала. По её словам, он выслушал, кивнул и велел перевести меня в более просторные покои. Ни радости, ни разочарования — всё та же пустота. Ещё один факт в реестре: наложница беременна. Записать, пометить, перевести в другое крыло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.